

Анастасия Сорокина

Куплеты Волколиса

I

Я сижу на горе,
На вершине лесной.
А вокруг – чья-то жизнь,
Чей-то дом за спиной,
Кто-то – тише воды –
Притаился и – хлоп!
Кто-то множит следы,
Или когтем скребет,
Или в клюв крючковатый
Личинку кладет.
А кто-то – и вовсе клоп.

Только я не боюсь чужих когтей:

У меня и свои –
Преострые
Да предлинные!

II

Подо мной на горе
Зажелтели цветы,
Под цветами в земле
Поселились кроты,
Под кротами –
Страна темноты.

И молчит подо мной
Непроглядная тьма.
Только тьмы не боюсь –
Пусть боится сама!
Потому что у меня
Вот такое зрение!
Вот такой нюх!
И еще – скоростные лапы!

Ш

У подножья – река,
Неспокойная – жуть,
Я ее успокою
Хотя бы чуть-чуть,
Я скажу ей: «Река!
Ты же с рыбой живешь!
Ты же рыбу несешь
На холодных руках!
Ни к чему эта рябь,
Эта зябь, эта зыбь –
Пусть спокойно
Плывет в тебе
Разная рыбь!
Посмотри, я сижу –
Хвост красивый какой!
Вот и ты не тревожься –
Будь мудрой
Рекой!»

IV

Я сижу на горе,
На вершине лесной,
Надо мной – турухтан,
Самолет надо мной.
В теле птицы
Одно только бьется –
Тук-тук,
Сто сердец в самолете,
Двести радостных рук!
Двести глаз наблюдают,
Как летит турухтан,
Как сверкает внизу
Травяной океан.
Самолет-самолет,
Я б с тобой улетел,
Только здесь, самолет,
Столько дел!
Если я улечу,
Кто же вместо меня
Будет чутко следить
За движением дня?
Кто же будет смотреть
На закатную нить,
Кто же будет тогда
Эту гору любить,
Этот солнечный лес,

Этот лиственный блеск,
Этот добрый и злой
Когтелапый народ,
И цветы на земле,
И крота под землей,
Неспокойную реку
И брод,
И большую пчелу
В перепутьях травы,
И будущий
Горький
Мед -
Потому что
Кто же мы без любви?
Что же мы без любви? –
Камень на чьем-то пути.
Так что лети, самолет,
Лети, самолет,
Лети.

Про дерево из Денежного переуллка

Однажды к Боре в Денежный переулок
пришло желто-зеленое Дерево,
притопало кривыми-косыми корнями,
стуча кривой-косой тростью.

«Я, – говорит Дерево, –
Старое страшное Дерево. –
И ветки, такие зловещие,
тянет к Боре. –
Я, – говорит, – росло сто и семьдесят лет,
Старше меня на улице только дома,
Дома и земля, в которой жил еще мой дед
И, пока не спилили, моя Ма.
А теперь и я ухожу
И больше не буду расти-цвести,
А вместо меня посадят
Пышный кустарник!»
И Дерево затрясло ветками
сильно-сильно,
шумно-шумно
и засыпало Борю листьями –
до самой макушки.
А когда он выбрался
из желто-зеленого вороха,
никакого Дерева уже не было.
«Как же так, – подумал Боря, –
Куда же ты задевалось?
С корнями и ветками?
Ничего не осталось».
Он искал под столом, за шкафом в кладовке,
В книгах, в карманах, в буфете, в духовке,
Он искал его дома, на улице, везде,
Пока не пришел Де.

Ливень хочет общаться

Чернее черносливин
Тоска вселилась в ливень.
И он из дома вышел,
В Каретном топочет
И на Цветном грохочет,
Собрался лить до ночи.
А может, кто услышит?
Поговорить захочет?

«Вот ты, прилежный школьник,
Бежим вприпрыжку, что ли?
А может, в цирк? Тем более
Что цирк недалеко!

Вы, милая мамаша!
Давайте поболтаем!
Но только не о кашах
И не о долгом кашле,
А просто так – легко!

Красивый господин! Куда же вы?
Ваш зонт выстрелил, как ружье:
Бух! – и раскрылся.
Мне кажется, вы попали солнцу
В самое сердце: оранжево-
Красным сделалось небо.
Не спешите! Я хочу кое-чем поделиться!

Или я вам неприятен?
Или, может быть, противен?
Ладно-ладно, – затаился

Раздосадованный ливень. –

Я, пожалуй, помолчу,

Но потом как отмочу!»

Только люди хмурят лица,

От-во-ра-чи-ва-ют-ся.

Дорогой школьник,

Промокни до тонкой тетрадки в ранце,

Побудь хулиганцем!

Дорогая мамаша,

Отпустите заботы на половину минутки:

В небе туча повисла, красивая – жутко!

Дорогой человек,

Остановитесь, вдохните по пояс,

Ни о чем

Ни о чем

Ни о чем

Не беспокоясь!

Вы услышите, пожалуйста,

Тоскливого ливня,

Обнимите, пожалуйста,

Сиротливого ливня,

А не то он замочит наше лето,

Затопит!

Застудит!

И тогда вообще

Никакого

Лета не будет!

Маркуша

У Малой Гнилуши
Ночует Маркуша.
Он вредный, недобрый,
Он звероподобный!
Ни мамы, ни папы,
Не руки, а лапы,
Не ногти, а когти.
И шерстка на локте.

С утра на прогулку
Выходит Маркуша.
Никто в целом мире
Маркуше не нужен.
Идет он, как туча
Осенняя, – хмурый,
Всклокоченный, резкий,
Громадофигурый.

А я подойду к нему:
«Здравствуй, Маркуша!
Я тоже без зонтика!
Ну же – по лужам!»
Промокнем до нитки,
До волосинки,
До тонкой шерстинки
И вместе пойдем
Вдоль незримой Неглинки.
И будем мы хмурыми,
Будем угрюмыми,

Немногословами
И многодумами,
Пройдем по туннелю –
Подземными реками,
На башню поднимемся –
Над людьми.

Нам кот бесприютный
Покажет задворки:
И шаг его – рысый,
И глаз его – зоркий.
Нам дрозд черноперый
Расскажет такое,
Что мы непременно
Лишимся покоя!

Я злостный прогульщик
И троечник лютый,
Но я дорожу
Сокровенной минутой,
Когда я стою
На вершине в Крылатском,
И луч прорезается
Острый, как лацкан,
И тучи расходятся
В дальние дали,
И смотрят на северо-запад
Сандалии,
И рядом стоит
Молчаливый Маркуша.
Маркуша ночует
У Малой Гнилуши.

Корова из Бирюлова

У нас в Бирюлеве
Рябая корова
Задумчиво бродит
Снова и снова,
Идет она в клеверно-
Ягодно-мятном,
В сияющем облаке
Ароматном,
Идет по делам –
Никому не понятным –
Корова из Бирюлева.
И глаза у нее темные-темные,
как ямы,
И бока у нее теплые-теплые,
как солнечный песок,
И хвост у нее длинный-длинный,
но не болтается,
а аккуратно лежит на спине.
Папа не видит
Мама не видит
Толик не видит
Юлька не видит
Что же,
Один я
Вижу корову из Бирюлева?
А корова встает на крыльцо,
По ступеньке – цок, –

Смотрит в мое лицо
И говорит:
Юлька не видит
Толик не видит
Мама не видит
Папа не видит
А бабушка видит
И невидимым сеном
Тайно кормит
Меня.

ЛЕГЕНДА О ХВОЕ

Грызоролиссимус,
Глава московских белок,
(Умом силен, хоть рыжим телом мелок)
Зарыл однажды клад:
Сухарь и шоколад,
Ореховую скорлупу,
Крупу
И прочая лам-па-пу.
Еще он зарыл случайно
Семечко Хвоя –
Вниз головою.

Хвой миллионоигольчатый рос:

В землю – ветвями,
В небо – корнями,
Даже плоды в подземелье принес:
Шишки душистые с семенами.

Грызоролиссимус встал возле Хвоя:
«Ну и дела! Это что же такое?!
Корни корявые тянутся ввысь,
Ветви под самой землей разрослись!
Хвой непонятный,
Хвой злополучный,
Как бы тебя посадить получше?»

Грызоролиссимус белок созвал,
Грызоролиссимус белкам сказал:
«Странное дерево смеет расти,
Надо нам с деревом счеты свести!»

Белки затопали,
Белки захлопали:
«Хвой непростительный!
Хвой возмутительный!
Кто нам подсунул такие дрова?
Будет смеяться над нами Москва!»

Стали решать, как высадить Хвой
Вверх головой.

– Может, его откопать?

– Это дело!

– Может, на тросы его?

– Может, и вовсе его

Сгрызть до зари, пока солнце не село?

Тут из земли прозвенел голосок,

Звонок, и тонок, и очень высок:

«Я червячок-земляной бочок,

Мое слово такое:

Не трогайте Хвоя!

Хвой не похож на другие растенья,

Но это не повод для ствологрызения!»

Грызоролиссимус вышел вперед:

«Ты это, длинный, чего?

Хвой некрасиво, неверно растет!

Надо исправить его!»

«Я червячок-земляной бочок,

Мое слово такое:

Не трогайте Хвоя!»

Только не слушал никто червячка.

Землю разрыли – земля глубока.

Подняли мыши подземные гам:

«Оставьте душистого Хвоя нам!»

А Хвой был посажен как надо – на свет.

В столице красивее дерева нет!

Белки танцуют, грызут корешок,

Белкам теперь хо-ро-шо!

Но быстро иссох он – лишь ветки да кожа:

Неправильный Хвой, на других не похожий.